

Положение Мо Шаохэна было особым. Такая ситуация, полная опасностей, конечно, не была тем, с чем мог столкнуться обычный человек. Если бы те, кто ненавидел Мо Шаохэна, узнали, насколько он дорожит им, его и без того сложная жизнь стала бы ещё тяжелее. Один неверный шаг — и он мог бы стать оружием против Мо Шаохэна.

Мо Шаохэн ощущал тепло и гладкость ладони, которую держал, и воспоминания о том, как он когда-то крепко обнимал Нин Сюэ, снова стали ясными. Он жаждал этого тепла и чувства полноты жизни, и именно поэтому спустя столько лет он всё ещё не мог забыть это. Даже если это казалось сентиментальным, это был неоспоримый факт, который невозможно стереть. То, что нельзя получить, всегда остаётся в сердце белым светом луны и алой родинкой, независимо от того, как далеко они находятся друг от друга.

Тань Хуаньси заметил, что взгляд Мо Шаохэна по-прежнему сосредоточен на его руке, и вдруг осознал, что их поведение на публике выглядит слишком интимным. Он поспешно отдернул руку и с лёгким смущением произнёс:

— Иногда человек оказывается в ситуациях, когда не может поступить иначе. Способности одного человека ограничены, и невозможно быть идеальным во всём. Тем более вы, дядя Мо, уже сделали достаточно. Я думаю... я думаю, что Нин Сюэ, даже на небесах, был бы благодарен вам за всё, что вы для него сделали.

Мо Шаохэн странно посмотрел на него. Имя «Нин Сюэ», произнесённое Тань Хуаньси, звучало немного неестественно. Кроме того, каждый раз, когда этот человек упоминал о Нин Сюэ, в его глазах появлялась какая-то непонятная эмоция, словно он говорил о собственном прошлом.

— Угу, — тихо ответил Мо Шаохэн. — На самом деле, я сам не знаю, что мною двигает. Видя Тань Хуаньси, я всегда чувствую, что теряю контроль над собой. Эти мысли, которые я таил в себе семь лет, я никому не рассказывал, но с Тань Хуаньси мне говорить об этом оказалось гораздо легче, чем я предполагал.

Тань Хуаньси наконец улыбнулся Мо Шаохэну, и его настроение стало легче. Он сделал несколько шагов вперёд и, обернувшись, как будто невзначай, спросил:

— Кстати, дядя Мо, вы говорили, что нашли Сыюаня сразу после смерти Нин Сюэ. А где вы его нашли?

— Когда я приехал, его похороны только что закончились. Дед Нин нанял няню, чтобы присматривать за Сыюанем, — ответил Мо Шаохэн, не сказав при этом, что, несмотря на заботу няни, жизнь Сыюаня была нелёгкой. Не то чтобы няня не старалась, просто остальные члены семьи Нин не принимали мальчика.

Тань Хуаньси, думая о том, как Сыюань потерял его и остался один, почувствовал острую боль в сердце. Он с трудом сдерживал свои эмоции и тихо спросил:

— Сыюань... он живёт хорошо? Дядя Мо, наверное, столкнулся с большими трудностями, когда усыновлял его?

Семья Нин и Мо никогда не были близки, и внезапное желание Мо Шаохэна усыновить его сына, конечно, вызвало бурю в семье Нин. Дедушка любил своего внука, но старик также старался быть справедливым ко всем. Даже если он хотел защитить Сыюаня, у него не хватало сил.

Мо Шаохэн, желая усыновить Сыюаня, вероятно, встретил бы поддержку со стороны дедушки,

но остальные члены семьи Нин, несомненно, встревожились бы. Кто такой Мо Шаохэн? Если бы у Сьюаня в будущем была такая опора, как Мо Шаохэн, то, узнав о том, как с ним обращались родственники, он мог бы с лёгкостью разрушить семью Нин.

Тань Хуаньси улыбнулся, представив себе реакцию этих людей. Это было так приятно. Что бы они ни хотели, у них не было ни сил, ни смелости противостоять гневу Мо Шаохэна. Более того, эти люди всегда умели приспособливаться, и, если бы у них была возможность встретиться с Мо Шаохэном, они бы только старались угодить ему, а не противодействовать его решениям.

Мо Шаохэн чувствовал, что Тань Хуаньси испытывает к Сьюаню невероятно глубокие чувства, и не хотел, чтобы он расстраивался. Он спокойно произнёс:

— Нет.

Мо Шаохэн говорил правду — он действительно не столкнулся с какими-либо трудностями, потому что перед усыновлением Сьюаня он провёл расследование и встретился с самим дедом Нином. Старик, потерявший за год сына, невестку и внука, испытывал чувство вины перед Сьюанем и понимал, что тому не будет хорошо в семье Нин, поэтому не стал возражать против усыновления.

Что касается остальных членов семьи Нин, они вообще не учитывались Мо Шаохэном. Независимо от согласия деда Нина, основываясь на отношении семьи к Сьюаню, он бы всё равно забрал его любыми средствами. Сьюань был единственным сокровищем, которое Нин Сюэ оставил в этом мире, и он не мог позволить прошлым сожалениям повториться. Он будет заботиться о Сьюане за Нин Сюэ, чтобы облегчить свою душу.

Иногда смерть не означает конец, и это не финальная точка. Некоторые воспоминания и люди при жизни не кажутся такими ясными или глубокими, но когда теряешь их, понимаешь, что эти чувства уже врезались в кости. Чем больше стараешься забыть, тем ярче становятся воспоминания, и сердце кажется ещё более пустым.

Тань Хуаньси не стал мешать Мо Шаохэну, погружённому в свои мысли. Он молча шёл рядом с ним, пока они не перешли ещё один светофор. Оглянувшись на охранников, которые не спеша следовали за ними, он тихо спросил:

— Дядя Мо, вам сегодня не нужно спешить в компанию?

Мо Шаохэн остановился и спросил:

— У тебя есть дела?

Тань Хуаньси улыбнулся:

— Если дядя Мо не торопится, то мне, человеку, которому не нужно участвовать в соревнованиях и концертах, а также не нужно ходить на занятия, и вовсе некуда спешить. Я уже давно не был так свободен и не гулял так расслабленно. Если можно, я бы не хотел так быстро возвращаться.

Уголки губ Мо Шаохэна наконец приподнялись, и он мягко сказал:

— Тогда давай прогуляемся. В компании есть Цзин И и Фэнъюй.

— Хорошо, тогда я не буду стесняться. Думаю, если босс прогуливает работу, подчинённые

вряд ли осмелятся жаловаться, — Тань Хуаньси оглядел оживлённую улицу и с энтузиазмом предложил:

— Давайте сначала посмотрим скрипки? У Сьюаня ещё нет своей скрипки. У меня есть много скрипок, в которые я играл, но я хочу подарить ему новую. Когда Сьюань достигнет успехов в обучении, я подарю ему коллекционную скрипку.

— Хорошо, решай сам, — Мо Шаохэн, казалось, тоже проникся хорошим настроением Тань Хуаньси, и его лицо стало ещё мягче.

Тань Хуаньси опустил взгляд на крошечную фигурку Сьюаня, спокойно пишущего иероглифы, и его сердце наполнилось теплом. Он нажал на экран телефона, лежащего на столе, и увидел, что уже девять вечера. Малыш всё ещё рос, и в это время ему уже пора было готовиться ко сну. Как бы ни было жаль, он должен был уйти.

Тань Хуаньси погладил голову Сьюаня и мягко сказал:

— Сьюань, на сегодня хватит. Пора спать.

Сьюань поднял личико и уставился на Тань Хуаньси, потом вдруг надул губки и с грустью произнёс:

— Братик Хуаньси, ты уже уходишь? Завтра суббота, мне не нужно идти в школу, можно лечь попозже. Братик Хуаньси, можешь сегодня задержаться? Я хочу послушать, как ты играешь на скрипке.

Тань Хуаньси рассмеялся, но он не мог позволить Сьюаню привыкнуть к позднему отходу ко сну. Дети очень хорошо умеют использовать свои капризы, чтобы добиться желаемого. Если бы он сегодня согласился на просьбу Сьюаня из-за того, что завтра суббота, то в следующий раз малыш нашёл бы ещё больше причин, чтобы заставить его уступить.

Такая привычка была плохой, и Тань Хуаньси, конечно, не хотел, чтобы его малыш её приобрёл. Он слегка серьёзно сказал:

— Сьюань, будь умницей. Ранний отход ко сну и ранний подъём — залог здоровья. Ты ещё растёшь, и тебе нужно раньше ложиться спать. Запомни, что и взрослым, и детям вредно недосыпать. Поэтому не только ты должен рано ложиться, но и папа, и братик Хуаньси тоже должны рано спать, понял?

Сьюань кивнул, не совсем понимая, но склонил голову набок, размышляя, а потом сказал:

— Папа часто не спит по ночам, он долго сидит в кабинете. Я не знаю, что он там делает.

Тань Хуаньси вдруг потерял дар речи и инстинктивно посмотрел на Мо Шаохэна.

Мо Шаохэн слегка смутился и тихо кашлянул, стараясь сохранить спокойствие.

Тань Хуаньси с трудом сдерживал смех:

— Сьюань, откуда ты знаешь, что папа не спит по ночам?

— Дядя Фэньюй сказал. И я сам видел. Однажды я встал в туалет, а потом захотел пить и пошёл к тёте, чтобы она налила мне воды, и увидел, что свет в папином кабинете ещё горит, — Сьюань широко раскрыл глаза, без колебаний «сдав» Ци Фэньюя, который рассказал об этом.

<http://bllate.org/book/16668/1528542>